

Социально-культурная деятельность: pro et contra

Статья – ответ на публикацию Г. Ю. Литвинцевой «Исследовательское пространство социально-культурной деятельности» (Вестн. СПбГУКИ. 2012. № 1). Социально-культурная деятельность – самостоятельная отрасль научного знания, имеющая свой объект, предмет. Сведение социально-культурной деятельности к культурно-досуговой искажает ее сущность и назначение. Подготовка специалистов социально-культурной сферы апробирована теорией и практикой последних двух десятилетий.

Ключевые слова: социально-культурная деятельность, досуг, культурно-досуговая деятельность, культурно-просветительная работа, социально-культурные услуги

Vladimir E. Triodin

Social-cultural activity: pro et contra

The article is the answer to G. J. Litvintsevoj's publication «Research space of social-cultural activity» (Vestn. SPbGUKI. 2012. № 1). Social-cultural activity is the independent branch of scientific knowledge having its object, subject matter. The information of social-cultural activity to cultural-leisure activity deforms its essence and purpose. Preparation of experts in social cultural area is approved by the theory and practice of last two decades.

Keywords: social cultural activity, leisure, cultural leisure activity, cultural and educational work, social-cultural services

1. Одноцветная история

Известно, что социально-культурной деятельности предшествовало понятие культурно-просветительная работа. Вот как объясняет Г. Ю. Литвинцева «перестройку» понятийного аппарата. «Так как культурно-просветительная деятельность отождествлялась с коммунистической идеологией, использующей ее как средство идеологического воздействия на массы, манипулирования их сознанием, то стало очевидным непригодность данного термина»¹.

Интересно, почему же педагоги не отказались от термина педагогика, философы – философия, писатели – литература? Разве художники того периода не писали завораживающе талантливо о том, в какой стране им удалось родиться? Разве социологи, философы, экономисты не обосновывали экономические и духовные преимущества социализма? Разве педагоги не любовались новым выращенным типом человека?

Но это скорее замечание-ассоциация, эмоциональная реакция, чем ответ на поставленный вопрос.

Для Г. Ю. Литвинцевой вся история культурно-просветительной работы выкрашена в один прокоммунистический цвет. Между тем в рамках термина «культурно-просветительная работа» шла острая борьба за смягчение идеологических догматов путем **трактовки культурно-просветительной работы как инициативного движения масс**. Период «оттепели» дал выход мощному самодеятельному культурно-просве-

тительному движению. Возникли известные по всей стране клубы «Сигма», «Под интегралом», «Терпсихора», клубы авторской песни, любителей фантастики. Это были вышедшие из-под контроля власти массовые культурно-просветительные институты, расшатывающие устои режима. Революционной перестройке 1990-х гг. предшествовали магнитофонная революция 1960-х гг., «самиздат», «тамиздат», фестивали авторской песни. Самодеятельные клубы, к примеру клуб «Перестройка» Дворца культуры им. Ленсовета, оттачивали иной тип мышления, способы поведения. Это был массовый прорыв в свободу. Из различных модификаций клубов два десятилетия спустя выросли многие партии и движения, новая генерация политиков, опрокинувших тоталитарный режим.

Причастностью к просветительству надо бы было гордиться, а не скрываться от него за новым термином. Социально-культурная деятельность требует расколдованную историю.

**2. Обогащение
через сохранение и развитие**

Вместе с тем возникла потребность в термине, **не отменяющем культурно-просветительную работу** (тем более по политическим или идеологическим соображениям), **а развивающем и обогащающем его**.

Дело в том, что круг явлений общественной жизни, традиционно исследуемый культурно-просветительной работой, был шире и

богаче обозначавшего их термина. В понятие «культурно-просветительная работа» хорошо вписывались школы взаимного просвещения (ланкастерские школы), воскресные школы, публичные лекции, кружки. Но ограниченность термина сразу же ощущалась, когда речь шла о петровских ассамблеях, салонах, коммунах, артелях. Жизнь рождала все новые и новые формы социальной практики, выходящей за рамки просветительства.

Другая причина была связана с характером воздействия на человека. Строго говоря, просвещение – односторонний акт, предполагающий активность просветителя. Он – и только он – носитель определенных норм и ценностей, которые должна усвоить масса. Просветитель – сеятель знания. Народ – почва. Н. А. Некрасов так и писал: «Сеятель знанья на ниву народную». На почве взрастает то, что в нее брошено.

Великие просветители-проповедники Кирилл и Мефодий несли свет истинной веры славянам-язычникам. Разбуженные «Историческими письмами» П. Л. Лаврова «критически мыслящие личности» шли в народ, чтобы расплатиться за прогресс, купленный кровью, страданиями миллионов. Политпросветчики 1920-х гг. учили читать неграмотный народ. Это все однонаправленный процесс от незнания к знанию, это улица с односторонним движением. Г. В. Плеханов, между прочим, критиковал метод террора народников как раз за то, что он разделял людей на героев-террористов и праздную толпу, с любопытством или равнодушием следящую за событиями детективно развивающейся политической жизни. Плеханов отдавал предпочтение рядовой забастовке, ибо в забастовке каждый отдельно взятый человек – действующее лицо.

Просветительство было, есть и будет важной и необходимой стороной общественной жизни. И человечество с благодарностью чтит своих Учителей. Но надо иметь в виду, что общественная жизнь не исчерпывается отношениями «учитель–ученик». В свободной деятельности люди встречаются на паритетных началах как равноправные субъекты, взаимно воздействующие друг на друга. Люди не только физически, но и духовно творят друг друга (К. Маркс). И потому необходим был термин, в котором нашли бы отражение отношения не между субъектом и объектом культурного влияния, а между равными по значению субъектами. Богатство и разнообразие форм общественных связей, явлений общественной жизни вобрал в себя термин «социально-культурная деятельность». Еще раз подчеркну: **социально-культурная деятельность не**

альтернатива культурно-просветительной работы, а ее логическое продолжение и развитие.

Социально-культурная деятельность – **родовое понятие**. Культурно-просветительная работа, культурно-массовая работа, культурно-досуговая деятельность (к ним можно добавить множество, вновь возникающих дисциплин: музейная педагогика, педагогика досуга и т. д.) – **видовые понятия**. Они имеют право на существование, если не ставят перед собой задачу подменить социально-культурную деятельность, если сохраняют за ней статус методологически значимой дисциплины.

3. Осколнение социально-культурной деятельности

Доминирующая идея Г. Ю. Литвинцевой – ограничение социально-культурной деятельности рамками досуга. Осколненная социально-культурная деятельность получает у нее логическое завершение в новом названии – **культурно-досуговая деятельность**. Но почему бы стороннице досугоцентризма не прислушаться к мнению именитых менеджеров учреждений культуры? М. Б. Пиотровский, возглавляющий Союз музеев России, пишет, что эта организация делает много для того, чтобы создать в обществе правильный образ музеев. Есть люди, объясняет он, пытающиеся сформировать стереотип бесполезности и устарелости сегодняшних музеев. Но даже доброжелательные люди понимают музей как средство досуга и средство привлечения туристов. Они забывают часто о **государственной функции музеев – образовательной и научной. Это основа и смысл жизни музеев и главное оправдание их существования**².

По М. Б. Пиотровскому получается, что Г. Ю. Литвинцева, поставившая во главу угла досуг, **искажает образ музеев**.

Чтобы придать этой конструкции основательность, Г. Ю. Литвинцева очередной раз подстраивает историю под свою концепцию. В вузах культуры и искусства, утверждает она, с самого начала их существования шла активная подготовка специалистов по организации досуга (с. 99). По Г. Ю. Литвинцевой получается, что, когда политпросветчики обращались к неграмотной массе с лозунгом «Рабы немые, рабы – не мы», когда подвижнически вовлекали население в «ликбезовскую спартакиаду», когда во время Гражданской войны пламенные трибуны агитпоездов «глаголом жгли сердца людей», они всего-навсего организовывали их досуг.

Объективно, независимо от того, хотела

этого Г. Ю. Литвинцева или нет, мир человека у нее представлен как совокупность **несообщающихся сосудов**. Есть самодостаточный изолированный от других органов досуг, вот им и надо заниматься. Но между трудом и досугом, экономикой и нравственностью куда как более сложные отношения взаимосвязанных сфер. На это обратил внимание патриарх Кирилл, когда охарактеризовал кризис как человеческий грех, пустивший корни в экономику.

Жизнь давно уже перемешала все искусственные схемы. Историкам хорошо известно, что еще Петр I **соединил работу и досуг**. Петровская ассамблея поэтому не вписывается в культурно-досуговую концепцию Г. Ю. Литвинцевой.

А модные нынче корпоративные праздники? Они продолжают петровскую линию соединения труда и досуга, создают новую рабочую ауру. Появился специальный термин тимбилдинг – корпоративный выезд на природу, направленный на повышение эффективности работы в команде. Сплошь и рядом на рабочем месте решается и личная жизнь (служебный роман). Сегодня все чаще деловые вопросы решаются в ресторане. Недавно промелькнула любопытная газетная заметка. Основным рычагом управления в Санкт-Петербургском государственном университете ректор считает приглашение на чай и свободную дискуссию за чашкой этого напитка до тех пор, пока не будут найдены верные решения.

Вдоль канал Грибоедова вывешены копии картин Русского музея, так называемая «музейная миля», или вот уличные художники «граффити» покрывают стены здания надписями, изображениями. Это все организация досуга или нечто выходящее за его рамки?

Уязвимость позиции Г. Ю. Литвинцевой особо рельефно проявляется при анализе праздничных ситуаций. В стране всего семь государственных праздников, за которыми законодательно закреплены нерабочие праздничные дни. По классификации Г. Ю. Литвинцевой, это пространство для культурно-досуговой деятельности. Но подавляющее число праздников не имеет статуса выходного дня. Как быть с ними? Ждать окончания рабочего дня и тогда праздновать всем миром?

Увы, праздник напрямую не связан ни с рабочим, ни со свободным временем, и даже принятое словосочетание «праздничный день» весьма условное. Праздник – не день, не досуг, а эмоциональное, сакральное состояние человека. Праздника вне человека не существует. Любопытно, что советская власть попыталась вырастить тип человека, соединившего в себе

праздники и будни («Трудовые будни праздники для нас»). Новой, никогда не виданной формой праздничной культуры стал коммунистический субботник.

Чай с оппонентом в рабочем кабинете, обед с деловым партнером в ресторане – это все внешние формы проявления смещения границ будней и праздников. Глубинные же процессы возникают в самом **отношении к труду**. Все больше профессионалов высокого уровня воспринимает труд как **свободную деятельность**, т. е. деятельность, в которой нет давления извне, и которая доставляет **психологическое удовольствие**. Возникает новая характеристика труда как **труда-досуга**, труда, утепленного домашним уютом, снимающего извечное противоречие производство–дом. Директор Эрмитажа М. Б. Пиотровский говорит о своем музее как о втором доме. Музей-семья создает на рабочем месте ощущение комфортности, внутренней поддержки. Мастерскую Петра Фоменко называют театр-дом. В нем человеческие связи более сильные. А на сцене главное, чтобы люди друг друга слышали. Ректор Санкт-Петербургского государственного университета «ЛЭТИ» В. М. Кутузов выделил в своем исследовании группу студентов, которая рассматривает университет как дом. Важно обратить внимание на то, что это не частные примеры, а **определяющая тенденция развития общества**.

4. Без руля и без ветрил

Еще одна забота Г. Ю. Литвинцевой – **предметное поле специалистов социально-культурной деятельности**. По ее версии, его, разумеется, нет у современных выпускников вузов культуры.

Ну, хорошо. Нет, так нет. А каково, любопытно, предметное поле церкви? Может быть, там тоже все делают не по правилам? Паства, ведь, приходит в храм в свободное от работы время. Стало быть, церковь – чисто досуговое учреждение? И духовным академиям надо соответственно пересмотреть учебные планы, чтобы готовить священников для сферы досуга, тогда-то все и станет на свое место.

Слава Богу, церковь до таких научных высот еще не дотянулась. Она вот уже второе тысячелетие занимается возвращением пустынной души человека, оплодотворяет ее живительным семенем христианской истины. И с удовольствием примечает, что человек, уверовавший в Бога, ведет себя как православный не только в церкви, но и на работе, дома, в общественном транспорте.

Еще один пласт – партии, институты гражданского общества, к примеру, Общероссийский народный фронт, «Большое правительство», движение «рассерженных» граждан, правозащитные организации – это все культурно-досуговые объединения? Ведь действуют они, как правило, в нерабочее время. Очевидно, что структура бюджета времени, положенная в основу классификации воздействия на аудиторию, непродуктивна. Для Г. Ю. Литвинцевой митинг – форма досуга, для автора этой статьи – форма сознания.

А. И. Герцен, рассказывая о Н. П. Огареве, очень точно о нем сказал – **открытый стол**, за который садится каждый, возобновляет силы, отдыхает, становится бодрее³. Разве это не предметное поле? Предметное поле социально-культурной деятельности – объединения людей: большие и малые. Сегодня это поле оказалось без руля и без ветрил. Рыночной экономике очаги культуры оказались не нужны. В небытие ушли учреждения культуры производственных коллективов, кинотеатры, такие интересные формы повышения образовательного уровня масс, как народные университеты. Две трети сельских населенных пунктов страны вообще их не имеют. Россия, насыщенная социально-культурными институтами, исчезла как Атлантида. В 1930-е гг. популярна была книга А. С. Макаренко «Флаги на башнях». Сегодня не осталось ни флагов, ни башен. Показательный штрих. Процесс культурного опустынивания, разблудивания общества, в конечном счете, его расчеловечивания не стал предметом анализа Г. Ю. Литвинцевой. А это куда как важнее «терминологического переворота».

Ответственность за культурный обвал исследователи привычно возлагают на культурную политику государства, которая для социально-культурных институтов стала чем-то вроде ковра для Снегурочки. Но за этой, в целом верной, оценкой исчезает обоснование мотивов декультурализации. Ленин предельно цинично объяснил Кларе Цеткин, что определенный этап революции нуждается в необразованном рабочем⁴. Скорее всего, и тот этап революции, который получил мягкое название «перестройки», требовал снижения культурного уровня населения.

Но это только одна сторона проблемы. Есть и другая. Надругательство над церковными святынями, панк-молебны девиц из Pussy Riot в главном храме страны вызвал мощную волну негодования верующих, молитвенное стояние, крестный ход православных во главе с Патриархом. К антикультурной революции население в целом отнеслось безразлично, с изрядной долей

апатии. Ни один министр культуры не вышел на улицы и площади столицы с маршем протеста. Это говорит только о том, что учреждения культуры не пустили прочные корни в плоть и кровь населения, не стали той ценностью, без которой теряется смысл жизни.

Культурный вакуум привел к изменению ментальности. Педагогически организованная самодетельность уступила место самодетельности. Люди ощутили будоражающий дух свободы без ответственности.

И пошло-поехало. Известный музыкальный критик изображает из себя презерватив, художник на четвереньках лает и кусает прохожих, гламурных дел мастера рисуют фаллос на мосту культурной столицы.

Самовыражается, как может, молодежь: байкеры, граффити, диггеры, толкинисты, готы, фурри, фрики, пранкеры... Сколько их? Кто и куда их гонит?

Сегодня весь спектр влияния, воздействия на массовую аудиторию оказался в руках **стихийно выросших лидеров улиц и площадей**. Остается только восхищаться способностью флешмоберов собирать синхронно действующую толпу на арт-мобе «Сердце города», «Упавшие листья», «Целующийся город». Или завидовать мастерам ролевых игр, тем же толкинистам, которые ведут за собой в вымышленный мир сотни единомышленников, проходят с ними школу осознания виртуальной жизни как высшей ценности. Или аплодировать таланту предводителя байкеров, властного взгляда которого достаточно, чтобы пересечь параллели и меридианы.

Уличные ораторы отрабатывают артикуляцию, учатся коротким, емким выступлениям, афористичным лозунгам, интонационным оттенкам на повышенной громкости. Им удается увлечь и повести за собой толпу.

Университеты культуры и искусства существуют, вероятно, для того, чтобы через своих выпускников облагораживать социально-культурную жизнь общества. Но это возможно только в том случае, если каждый из них будет энергетическим узлом своего времени, антенной нации, обладать способностью, как писал Л. Н. Толстой, «перемешивать человеческое тесто». Социально-культурная деятельность – профессия повышенной речевой способности. Ясно, что таким качеством человека научить нельзя. Это то, что дается от Бога, заложено в генах. Поэтому в университетах культуры и искусства надо вводить специальные экзамены (как это делается в художественных вузах) на проверку у абитуриентов способности к работе с массами.

5. Я гимны прежние пою

В понятии социально-культурная деятельность опорным словом является **деятельность**⁵. Это его ядро. Деятельность – человеческая (и только человеческая!) форма отношения к окружающему миру. Под ней принято понимать **активность** человека, направленную на достижение поставленной цели. Г. Ю. Литвинцева акцент делает на **услуги**. Но услуга есть поминальная молитва социально-культурной деятельности. Она формирует общество потребления. Г. Ю. Литвинцева вводит даже понятие «новые культурные потребители». Формулу Декарта «мысль – значит существую» новые культурные потребители переосмысливают так: покупаю – значит существую. Г. Ю. Литвинцева даже образовательные институты рассматривает через призму «образовательных услуг». Это общая беда современного образования. Во властных структурах победила точка зрения, что высшее образование определяется потребностью производителя в специалистах с высшим образованием. Нет рабочих мест – нет высшего образования. Но образование нужно для развития человека. И если исходить из этой точки зрения, то много образования не бывает. А образованный человек сам создаст новые рабочие места, где будут нужны не роботы, а «мыслящий пролетариат» (по Д. И. Писареву)⁶. «Услуги» исказили природу учреждений культуры. Под клубным учреждением, согласно примерному положению о нем, понимается организация, основной деятельностью которой является предоставление населению разнообразных услуг. Смею думать, что это не так, что основное назначение клубов – формирование социально-активной личности. Услуга формирует сервисного человека. Социально-культурная деятельность – инновационное, креативное общество.

Определение «социальный» означает, что носитель культуры – социум. Граница между обществом и личностью подвижна. В. С. Соловьев верно подметил, что общество есть дополненная или расширенная личность, а личность – сжатое или сосредоточенное общество⁷. Мера «сжатости» определяет соотношение личности и общества. Есть личности, которые «расширены» до уровня общества и даже обгоняют его, определяют характер его развития. А. С. Пушкин о М. В. Ломоносове сказал, что он не только создал первый в России университет, он сам был первым нашим университетом.

Вычленение в термине социально-культурная деятельность социального субъекта имеет принципиальное значение. История гуманитарных наук знает немало примеров, когда о

человеке, как о чеховском Фирсе, забывали. А. С. Макаренко называл современную ему педагогику «бездетной». Технократические тенденции сильны и сегодня: исследователи оценивают результативность работы учреждений культуры по числу проведенных мероприятий, а не по изменениям, происходящим с человеком.

Главный признак социального явления – **взаимодействие**. П. Сорокин считал, что ни отдельно взятый изолированный индивид, ни миллион изолированных индивидов не могут составлять социального явления. Самым неподходящим объектом для изучения социального явления он считал Робинзона Крузо⁸.

Взаимодействие может состояться, когда оно носит **значимый** характер. Взаимозначимость Герцена и Огарева привела их на Воробьевы горы. Обнявшись, они поклялись пожертвовать своей жизнью на избранную ими борьбу. Взаимозначимыми друг для друга были А. С. Пушкин и П. Я. Чаадаев. Чаадаев сожалел, что он не встретился в Английском клубе с Пушкиным. Встреча, писал он ему, повлекла бы за собой мощный обмен мыслями. Здесь очень важно слово – **обмен**. Взаимодействие мыслящих людей осуществляется в форме **обмена мыслями**.

Без компонента значимости все социокультурные явления становятся всего лишь материальным объектом с физическими или химическими свойствами: партийный билет – картонной наградой, ордена и медали – пустыми побрякушками.

Определение «культурное» показывает направление: значимое взаимодействие в сфере культуры.

Освоение социального и культурного изменяет человека. Специфика социокультурного воздействия состоит в том, что оно затрудняет однобокое сведение воспитания к социализации (человек – совокупность общественных отношений) или к биологизации, или к культуре. Социокультурный подход означает комплексное воздействие на человека, его очеловечивание, дает возможность теории и практике формировать аудиторию более эффективно, чем это до сих пор делалось.

Таким образом, **под социально-культурной деятельностью автор понимает взаимодействие людей по производству, распространению, сохранению значимых культурных ценностей, в ходе которого изменяются отношения и связи между людьми, сами люди и окружающий их мир.**

Социально-культурная деятельность проявляется себя в двух ипостасях: **стихийной и специально организованной.**

В специально организованной социально-культурной деятельности субъектами регулирования взаимодействия выступают государство или общественные организации. Они же определяют значимые для себя ценности и в соответствии с заданной моделью изменяют отношения и связи между людьми. Изменившись люди изменяют окружающий мир, поэтому философия популярного хита о том, что этот мир придуман не нами, весьма проблематична.

Этот мир, в том числе и через социально-культурную деятельность, придумываем и создаем все-таки мы сами. И отвечаем за все, что в нем происходит.

Примечания

¹ Литвинцева Г. Ю. Исследовательское пространство

социально-культурной деятельности // Вестн. СПбГУКИ. 2012. № 1. С. 90–102.

² Пиотровский М. Б. Портрет музея на фоне города // Пиотровский М. Б. Взгляд из Эрмитажа: ст. и интервью для газ. «С.-Петербург. ведомости» (2005–2009). СПб.: Славия, 2009. С. 95–98.

³ Герцен А. И. Былое и думы. М.: Худож. лит., 1969. С. 335.

⁴ Цеткин К. Воспоминания о Ленине. М.: Госполитиздат, 1955. С. 16.

⁵ Триодин В. Е. Теория социально-культурной деятельности: объект и предмет исследования // Magister. 1998. № 1. С. 26–36.

⁶ Писарев Д. И. Надо мечтать. М.: Совет. Россия, 1982. С. 311–362.

⁷ Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 286.

⁸ Сорокин П. А. Система социологии: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2. С. 37.